

ТИПИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И «СБОЙ» СТЕРЕОТИПОВ В ИХ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

М. В. Долгова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 сентября 2009 г.

Аннотация: статья посвящена вербальной репрезентации и «сбоям» стереотипов в коллективном сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: стереотип, вербальные репрезентации стереотипных представлений, «сбой» стереотипов.

Abstract: the article analyzes verbalization of stereotypes and their distortion in the Russian speakers' collective consciousness.

Key words: stereotype, stereotypical representations, stereotype distortion.

Современная когнитивно ориентированная наука о языке раздвинула рамки понимания термина «стереотип», трактуемого словарями как «прочно сложившийся образец чего-нибудь, стандарт» [1, с. 580], а образованное от него прилагательное «стереотипный» – как «повторяющийся в неизменном виде, воспроизводящий нечто общеизвестное, шаблонное, трафаретное» [2, с. 580].

В настоящее время кроме своего обыденного значения, данный термин приобрел специальное социопсихологическое и лингвистическое толкование. Анализ этого феномена посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых (среди них – работы Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой, П. Н. Донца, В. И. Карасика, В. В. Красных, Л. П. Крысина, Н. Л. Чулкиной, У. Липпманна, Х. Патнэма, Д. Лакоффа, Э. Аронсона и др.)

С когнитивной точки зрения, «стереотип» рассматривается в виде особой структуры представления знаний, родственной понятию прототипа, роль которого заключается в репрезентации нашему сознанию лучшего примера той или иной категории (по Э. Рош) или «фамильного сходства», построенного на идее размытых границ в определении вещей и их наименований, когда в каждом члене категории узнаются в большей или меньшей степени сближающие их общие типичные характеристики (по Л. Витгенштейну).

Прототипический подход позволяет структурировать категорию, увидеть в ней «центр» и «периферию» (так, центр категории «игрушка» формируют «кукла» и «мяч», а «коньки» или «качели» находят свое место на периферии) [3, с. 448].

Вместе с тем стереотип отличается от прототипических репрезентаций по ряду параметров. Это

лучший (в смысле – наиболее типичный) образец в пределах одного и того же класса, не обязательно отражающий важные и существенные свойства предмета мысли, «расхожая истина», автоматически формирующееся мнение о ком-то или о чем-то на базе представлений об идеальном варианте в рамках данного множества (*типичная мать – домохозяйка*). Стереотипы существуют в форме заостренно упрощенного и обобщенного суждения, с эмоциональной окраской, приписывающего той или иной группе определенные свойства и установки либо отказывающего ей в этих свойствах и установках: *итальянцы музыкальны, южане вспыльчивы, профессора рассеяны, женщины – это эмоции* [4, с. 177].

Характеристики, присущие типизированному объекту, могут выражаться не явно, а имплицитно, когда они стоят за словами «истинный», «настоящий» и им подобными в их атрибутивной функции (*настоящий мачо, типичная старая дева*) [5, с. 172].

В теоретической литературе по проблеме «стереотипия» зафиксированы двадцать видов этого явления [6, с. 189], но традиционно выделяют два основных типа: социальный и этнический (*прямо балерина; истинный герой своего времени; педантичный, как немец; настоящий кавказец!*).

В обоих случаях стереотипы характеризуются в коллективном сознании носителей языка как образные представления, совпадающие по своему содержанию с так называемыми «мыслительными картинками», по типологии концептов, разработанной А. П. Бабушкиным [7]. Важнейшим свойством стереотипов является их способность управлять ожиданиями и, следовательно, влиять на наше восприятие действительности.

По мнению американского психолога Е. Аронсона, эти ожидания оправдываются стандартными ассоциациями, которые связываются у американца с

такими словами и словосочетаниями, как «яппи» (в известном плане – аналог нашего «нового русского»), «университетский профессор», «девушка по вызову», «расист» и «либеральный демократ» [8, с. 139].

В свою очередь, за каждым словом русского языка: «артистка», «банкир», «колхозник», «учительница», «бомж» стоит свой собственный имидж. Об общности стереотипных представлений можно судить по данным Русского ассоциативного словаря (см. реакции, зафиксированные в восприятии таких слов, как «бандит», «бизнесмен», «полковник», «моряк», «шпион» и т. д. [9].

И наоборот, – любопытны казусы «обмана ожиданий», когда воспринимаемый объект не вписывается в надлежащие рамки своей «картинности». О подобной ситуации языком гротеска говорит английский философ Б. Рассел: «Наша жизнь полна ожиданий, которые мы <...> осознаем только тогда, когда они не осуществляются. Предположим, что вы видите половину лошади в тот момент, когда она появляется из-за угла; вас это может заинтересовать очень мало, но если вторая половина окажется принадлежащей корове, а не лошади, вы, по всей вероятности, испытаете состояние крайнего удивления, которое будет почти беспредельным» [10, с. 77].

Настоящая статья посвящается проблеме «сбоя» стереотипов, на наш взгляд, недостаточно изученной, по сравнению с анализом формирования стереотипных образов в их языковой объективации.

В этом плане сосредоточимся на изучении социальных стереотипов, так как «сбой» этнических стереотипов требует отдельного описания.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению интересующей нас проблемы, необходимо сделать одно небольшое отступление.

Категория «стереотип» (в нашей интерпретации равный типизированному представлению) привлекает внимание лингвиста с точки зрения своей социопсихологической природы. Языковеду важна способность выявления этого мыслительного образования в виде совокупности вербализующих его признаков – тогда в фокусе внимания исследователя окажутся фрагменты целостного типизированного представления, «схваченного» языковыми знаками. Это позволит материализовать соответствующий образ и превратить его из «вещи для себя» в «вещь для других».

Для достижения поставленной цели – показать на практике «сбой» стереотипов – попарно сгруппируем примеры, почерпнутые нами из произведений русской художественной литературы (один – описывающий стереотипный образ, другой – его ломающий), при этом каждая пара будет подведена под одну из четырех рубрик: «интеллигент», «бухгалтер», «почтальон» и «офицер» (выбор указанных

выше лексем определяется собранным для анализа материалом).

1. Интеллигент

Помимо очков, «обязательных» для имиджа интеллигента, несомненно важен его внешний вид:

Облик настоящего интеллигента – всегда при галстуке, в белоснежной сорочке и сером отутюженном костюме (И. М. Трахтенберг).

Образ «настоящего интеллигента» нарушает противоположная ему «картинка»:

Спиридонов был высок, лыс, лет семидесяти. Он был в мятном плаще бывшего бежевого цвета. Из-под плаща выглядывал допотопный коричневый галстук. Честно говоря, если бы я не знала заранее, что передо мною сидит заслуженный работник культуры, я бы... не знаю, за кого его приняла, случайно встретив на улице, например (С. Алешина).

Автор опускает слово «бомж», но оно явно мыслится за поставленным троеточием – наружность Спиридонова никак не вяжется с внешним обликом человека, обычно называемого интеллигентом.

2. Бухгалтер

Портретные характеристики бухгалтера позаимствуем из далекого и недавнего прошлого (современный утратил некогда присущие ему признаки):

Кроме меня, шефа и водителя, в машине был еще один субъект, с виду типичный бухгалтер – плюгавый очкарик с засушенным морщинистым личиком, холодными немигающими глазками и замедленными, плавными движениями (В. Гладкий. Обреченный убивать).

Если убрать уничижительные определения из описания образов, то можно выявить черты, присущие образу бухгалтера «из бывших», не хватает только черных нарукавников.

Старик – отец из «Калины красной» В. Шукшина, мгновенно определяет, что Егор, приведенный дочерью в родительский дом, выдает себя за кого-то другого:

– Я бухгалтер, работал в ОРСе <...>

– Это с такими ручищами ты – бухгалтер? Даже не верится.

– Что? Руки?.. А-а. Так это я их уже там натренировал... – Егор потянул руки со стола.

– Таковыми руками только замки ломать, а не на счетах... – Люба засмеялась.

– Бухгалтер! Я бухгалтеров-то видел-перевидел! Бухгалтера тихие все, маленько вроде пришибленные. У бухгалтеров голос слабенький, очечки...

(В. Шукшин).

Явно, что человек с натруженными руками не привык «щелкать на счетах».

Главный герой киносценария В. Шукшина – прямая противоположность образу типичного бухгалтера.

3. Почтальон

Иногда для объективации стереотипных представлений достаточно слова, обозначающего одну (но весьма характерную) деталь. Вспомним у М. Шолохова:

Кулак должен быть с отрезом. Так про него в газетах пишут. Беспременно, чтобы с отрезом (М. Шолохов).

Винтовка с отпиленным концом ствола (обрез, прост. – отрез) – символ врага советской власти в деревне.

Постоянным атрибутом почтальона является сумка, набитая письмами, газетами, журналами. Известное стихотворение С. Я. Маршака начинается и заканчивается упоминанием ее в качестве обязательной принадлежности работника, доставляющего корреспонденцию:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне?

* * *

Честь и слава **почтальонам**,
Утомленным, запыленным.
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

(С.Я. Маршак).

Как показывает нижеследующий пример, отсутствие сумки у разносчицы почты вызывает справедливое удивление у окружающих:

– *Это что же у тебя, милая, за работа, что все по лестницам?* – участливо поинтересовалась полная, более доброжелательная пенсионерка. – **Почтальоном**, что ли? Так вроде без сумки... (Н. Александрова).

4. Офицер

Об идеальном образе офицера можно судить по следующему описанию:

*Но из мужчин на первом месте был Ваня Туркенич, высокий, стройный, галантный – **настоящий офицер*** (А. Фадеев. Молодая гвардия);

Эталону «настоящего офицера» противостоит его антипод, увиденный глазами писателя М. Веллера:

<...> взорам ожидающих явилось воронье пугало. Тощая кривая фигура, пугая шаг, с издевательской нелепостью промаршировала к командующему.

– *О, Господи*, – сказал командующий. – *Один есть **офицер** у тебя в полку, так и того вблизи показывать никому нельзя.*

По свите дулоло смешком. Ко всему вдобавок, на вишневом шинобеле комбата отблескивали невероятные очки, с какими-то составными стеклами, подобающими, наверное, профессору филологии в читальном зале, испортившему зрение в архивных изысканиях (М. Веллер).

Парадокс в том, что «богом войны» оказался именно этот нелепый на первый взгляд офицер-артиллерист.

В результате анализа практического материала попробуем сформулировать важные, с нашей точки зрения, выводы.

1. Для объективации типизированных представлений в тексте недостаточно наличия в нем маркеров «настоящий», «истинный» и т.п. Эту задачу способны выполнить выстраивающие стереотипный образ вербализованные признаки: интеллигент – всегда опрятен, в рубашке и при галстукке; бухгалтер – в очках, имеет внешность человека, далекого от тяжелого физического труда; почтальон – обязательно с сумкой через плечо; офицер, как правило, – красив высок и строен.

2. Репрезентация типизированных представлений в тексте позволяет реципиенту методом интроспекции сверить собственные представления о чем-то типичном с тем, что «прописано» в тексте.

3. Если стереотипный образ является более или менее совпадающим в коллективном сознании носителей языка, то примеры, указывающие на «сбой» сложившихся стереотипов, могут быть самыми разными, но всегда с противоположным знаком в своей оценочности.

4. Именно «сбой» стереотипов способствует наиболее рельефной «прорисовке» совместно разделяемого имиджа в сознании людей, говорящих на одном и том же языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
2. Современный словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1993. – 740 с.
3. Akmajian A. Linguistics / A. Akmajian, R. A. Demers, R. M. Harnish. – 2-nd ed. – Cambridge : Massachusetts ; London : The MIT Press, 1984. – P. 547.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
5. Милевич И. Г. Стереотипы как репрезентаты доминирующих референтных групп / И. Г. Милевич // Филология и культура : материалы VI международной конференции 17–19 октября 2007 г. – Тамбов : Тамб. гос. ун-т, 2007. – С. 271–273.
6. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Пурикова – 2-е изд., доп. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 424 с.
7. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
8. Aronson E. The Social Animal / E. Aronson. – New York : W.H. Freeman and Company, 1992. – P. 497.

9. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Воронежский государственный университет

Долгова М. В., аспирант, преподаватель

E-mail: dolgovamv@rambler.ru

Тел.: (4732) 75-45-78

Voronezh State University

Dolgova M. V., Post-graduate Student, Teacher

E-mail: dolgovamv@rambler.ru

Tel.: (4732) 75-45-78